
ГАЛА МРОК
АДА 3
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Гала Мрок

Ада 3

«Автор»
2026

Мрок Г.

Ада 3 / Г. Мрок — «Автор», 2026

Мир рухнул четыре года назад. Теперь выживание - это стальные нервы и верность тех, кто рядом. Ада и Кайл идут по краю: смогут ли они выполнить задачу и не потерять себя? Время покажет...

© Мрок Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 24
Глава 6 28
Глава 7 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Гала Мрок
Ада 3

Глава 1

Ещё тёплое тело лисы болтается у меня на поясе, от него тянет сырым звериным запахом, как от мокрой собачьей шерсти. Рыжая попалась в первый силок, установленный возле курятника, в который она была вхожа. Жадная животина вытаскала у нас всю птицу, за что и поплатилась. Она оставила нас без мяса — мы же забрали у нее жизнь. Всё честно.

В мире, где каждый кусок пищи имеет огромную ценность, нет места гуманности. Тут закон прост: либо ты, либо тебя. Слабые и добрые дохнут первыми. Жёсткие и эгоистичные продолжают топтать землю, пока не встретят на своём пути более жестоких, беспринципных или, наоборот, чересчур принципиальных, которые либо убьют, либо подчинят. И тут непонятно, что лучше — принять смерть как освобождение или отдать своё тело и душу в рабство. По мне так лучше смерть, чем облизывать чужие ботинки. Но никогда не зарекайся…

Перешагиваю толстые корни, торчащие из земли, как змеи из головы Горгоны. Второй силок не радует. Судя по перьям вокруг, тут была перепёлка, которую благополучно и без зазрения совести кто-то сожрал. А нечего было спать до обеда. Пока я нежилась в кровати, просматривая красочные сны, какое-то создание наполняло желудок моей добычей.

— Чтоб у тебя несварение было, — зло бросаю невидимому воришке и иду дальше по вытоптанной траве.

— Становится прохладно, — Кайл догоняет меня, поправляет черные лямки рюкзака.

— Осень, Кайл, — тяжело выдыхаю, признавая факт. — Скоро наши прогулки совсем сократятся. От одной мысли, что придется полгода практически безвылазно сидеть дома, становится тошно.

— Не ной, у тебя есть двор, — Кайл, присев, расправляет петлю, чтобы установить силок.

Закатываю глаза, вспоминая, как я брожу по двору всю зиму:

— Я знаю в нём каждый угол.

— Ничем не могу помочь, такова природа. Изменить смену сезонов мне, к сожалению, не под силу, — Кайл натирает тросик еловыми иголками, маскируя запах.

Осматриваюсь вокруг, наслаждаясь последними теплыми днями. Солнечный свет играет на еще зеленых листьях, которым недолго осталось украшать ветви деревьев. Трава начинает чахнуть, воздух сыреет, ветер гонит прохладу, напоминая о приближении осени. Лето ушло, а вместе с ним уйдёт и та передышка, которую оно даёт выжившим. Прошло уже четыре года с момента, когда привычная жизнь ушла в небытие. За это время стало ясно, что твари боятся летнего солнца и жары: они прячутся от него в тени, в заброшенных зданиях, даже копают норы в склонах — лишь бы скрыться от палящего солнца. Получается, не такие уж они и безмозглые существа, движимые лишь инстинктами. Остатки интеллекта там есть, а быть может, они вообще скоро вернут себе разум, но при этом останутся такими же резкими, бешеными и смертоносными?

— Б-р-р-р, — передергиваю плечами, представляя это комбо.

— Куртку застегни, простудишься, — Кайл, хмурясь, окидывает меня взглядом.

— Может, нам отправиться в тёплые края, — послушно тяну бегунок вверх, — туда, где всегда лето. Там жить куда проще: весь день в твоём распоряжении — ходи куда хочешь…

— Ты не заболела? — он прикладывает ладонь к моему лбу.

Отмахиваюсь от него, нервно поправляю лисицу на поясе. Мне в диковинку слышать эти слова от себя, но перспектива будущей зимы сама толкает меня к этому. Когда солнце уходит, тварей становится очень много. После лета они голодные, злобные и нацелены на поиск еды.

А чем они питаются? Правильно — тем, кто попадется у них на пути. Просидев на строгой диете, зомбаки делаются очень упорными и настойчивыми, а с учётом того, что они не знают усталости, это делает их высшими хищниками. Даже имея запас оружия и отличные навыки стрельбы, всегда есть шанс, что в самый неподходящий момент случится осечка, промах или попросту их окажется слишком много. И тогда ты станешь фастфудом для зомби. Поэтому в позднюю осень и зимний период мы стараемся не делать вылазки. Зачем испытывать судьбу.

— Кайл, я серьёзно. Может… может нам действительно стоит поискать другое место?

Он, ухмыляясь, срывает несколько ягод боярышника, закидывает их в рот, медленно пережевывает и отвечает, покачивая головой:

— А когда я предлагал тебе эту идею, почему ты брала её в штыки?

— Я была не готова, — пожимаю плечами.

— А теперь, когда зима на носу, ты вдруг стала готова?

Провожу ладонью по лицу, осознавая всю свою глупость. На поиски лучшего места нужно было отправляться летом — ну весной хотя бы, а не в пик активности зомбаков и мутантов.

— Теперь я поняла, насколько мне это надоело, — отрывисто отвечаю и направляюсь к третьему силку. Под ногами хрустит то ли сухая ветка, то ли мой собственный кураж.

— Я напомню тебе об этом весной, — вдогонку бросает Кайл. — Если вновь начнёшь ерепениться, придётся применить физическую силу. Судя по всему, у тебя биполярное расстройство…

— А у тебя мания величия, — не оборачиваясь, показываю ему средний палец.

Он игнорирует мои слова и жест, трусцой обгоняет меня. Проходит через кусты — колючки цепляются за плотную ткань тонкой ветровки.

— Я за кукурузой, — комментирует он, скрываясь в плотном строе небольшого кукурузного поля. Стебли смыкаются за ним с тихим шелестом, как занавес.

Посадили мы его в удачном месте — скрытом от чужих глаз плотной стеной деревьев и кустарника. Кукуруза — ценный продукт: едим сами, делаем запасы на зиму, кормим Мрака, используем для обмена на рынке. А ещё кукурузные кочаны отлично разжигают огонь, а зёрна идут как приманка на зверя и наживка для рыбалки — хороший продукт, что ни говори.

Завтра мы не идём ни на рыбалку, ни на охоту — завтра отправимся на рынок. Всё, что сегодня насобираем, выменяем на что-нибудь нужное и интересное. Каждая вылазка для меня — как праздник. Я даже Новый год и день рождения раньше не ждала так, как сейчас жду наш выход за пределы обжитой территории. Никогда бы не подумала, что буду жаждать увидеть других людей. Кайла я, конечно, люблю, но когда ты круглосуточно, изо дня в день, находишься бок о бок с человеком, рано или поздно тебе нужно сменить картинку. Я стараюсь иногда в одиночку выходить в лес, на реку или побродить по заброшкам, но практически всегда он увязывается следом. Никакие объяснения о том, что мне нужно личное пространство и хочется побыть одной, его не останавливают. Он лишь твердит, что это опасно, и вообще, когда люди любят друг друга, им не нужно никакое пространство, а эту чушь я вычитала в книгах, которые написали феминистки.

Тихий писк возвращает меня из раздумий в реальность. Серо-бурый заяц-русак повис в ловушке. Длинные лапы отчаянно бьют по земле в попытке выпутаться, но с каждым рывком трос на конечности затягивается все сильнее. Подхожу к нему — заяц замирает, только тёмные глаза следят за мной, да грудь ходит ходуном так быстро, что кажется, сердце остановится без моей помощи. Достаю нож, приседаю рядом. Зверёк снова дергается, петля затягивается, причиняя ему боль, и он вновь издает писк. Я стискиваю зубы. Каждый раз кажется, что при-

выкну, перестану чувствовать, но всё повторяется — как по кругу, из которого нет выхода. Оглядываюсь на кукурузное поле в надежде переложить кончину зверька на Кайла, но его тёмная макушка давно скрылась за толстыми стеблями.

— Эх… Придётся самой, — перехватываю зайца левой рукой за уши, прижимаю к земле. — Знаешь, мне было бы гораздо проще тебя пристрелить, но грохот привлечет ненужное внимание, а нам оно ни к чему.

Заяц начинает биться, задняя лапа скребёт по моему предплечью, оставляя ссадины сквозь ткань куртки. Прижимаю его крепче. Чувствую под пальцами быстрый пульс.

— Прости, малой…

Завожу лезвие под голову, нащупываю место, где череп соединяется с шеей, мягкую ямку под ушами. Один удар — короткий, резкий, сверху вниз. Заяц дергается. Тело выгибается, потом обмякает. Лапа, которую я держу, еще несколько раз сокращается, будто пытается убежать.

Отпускаю руки. Смотрю на нож. На лезвии кровь — темная и липкая, густеет на глазах. Вытираю о штанину. Потом смотрю на зайца. Он лежит на боку, глаза ещё не закрылись — смотрят мимо меня, куда-то в ясное небо.

Не знаю, что в этот момент нужно чувствовать. Раскаяние? Жалость? Ничего? Чувствую усталость. Тупую, тяжелую, как будто не я зайца убила, а заяц — меня.

Снимаю петлю с задней ноги, отстегиваю силок, складываю в сумку. Зайца опускаю в холщовый мешок, который висит через плечо. Мешок с пятнами от прошлой добычи — выстиранный, но пятна никуда не делись, въелись намертво, как память. Завязываю горловину, перехватываю через плечо и иду обратно. Лес молчит — даже ветер вроде бы притих.

На подходе к забору слышу быстро приближающийся хруст веток. Оборачиваюсь, прислушиваюсь — рука сама опускается на кобуру. Всматриваюсь: между стволов мелькает темно-зеленая куртка. Кайл торопливо приближается ко мне, лицо сосредоточенное, дыхание рваное.

— Давай скорее, там четверо тварей рыщут вдоль поля, — он подталкивает меня к глухому забору.

— Уже?!

— Свежие совсем, видимо, где-то неподалёку были.

— Вот же гадство, — быстро вставляю ключ в скрытый замок. Он оглушительно щёлкает в тишине, заставляя машинально скривиться.

Как тени, проскальзываем внутрь, запираем за собой дверь. Тут можно выдохнуть. Через высокую преграду им не перебраться. До этого лета никому было не подступиться к нашей крепости. По периметру забора проходил ток, и все, кто пробовал к нам прорваться, плохо заканчивали. Но потом что-то замкнуло, и мы остались без защиты. Кайл не силён в электрике, а во время апокалипсиса услуг «мужа на час» нет — соответственно, починить некому. Радует одно: твари перелезть забор не могут. Но вот люди… Люди сейчас опасны не меньше, а скорее больше, чем мутанты. Если кто прознает, что у нас есть ресурсы, то наши персоны станут популярными, и желающих попасть к нам в гости возрастет стократно. А мы очень гостеприимны. Любим угощать свинцом с порога. Но нас двое, а гостей может быть слишком много…

— Займешься тушками? — заискивающе смотрю на Кайла.

— Нет, — он целует меня в лоб. — У тебя это отлично выходит, ты филигранно снимаешь шкуры, а я всегда топорно рву их.

— Ты просто отмазываешься, — фыркаю ему в грудь.

— Не исключено, — усмехается он и добавляет: — Я попробую починить электрозащиту.

— Только не это, — округлив глаза, выставляю ладонь вперед. — Ты мне нужен живой — это во-первых, а во-вторых, мне нужен дом, а ты скорее всего его спалишь. Кайл, электрика — это не твоё.

— Ты права, — он взъерошивает короткие волосы. — Завтра попробуем найти мастера.

Он задумчиво направляется к загону, за которым пасётся Мрак. Смоляная шерсть переливается на солнце, густой хвост покачивается, отгоняя мух. За четыре года конь заматерел, стал огромной горой мышц. Из-за отсутствия кобыл характер иногда скверный, вспыльчивый, но только с Кайлом. Со мной же Мрак — нежнейшее создание: он как собака слушает меня, выполняет команды и даже охраняет. Завидев нас, конь поднял голову, навострил уши, темные глаза блеснули с хитрецой — он знает, что мы всегда приносим ему что-нибудь вкусное.

— Это сейчас серьёзно? — беру из деревянного ящика красное ароматное яблоко, натирая его о куртку. — Ты хочешь привести чужака, чтобы он потом разболтал всем о нашем местоположении?

Кайл снимает со спины рюкзак, набитый кукурузой, ставит на землю.

— Ты меня за дурака держишь? — чёрные брови образуют впадину у переносицы.

— Я лишь хочу понять ход твоих мыслей, — копирую его гримасу и протягиваю Мраку яблоко. Конь осторожно берет его бархатными губами, кивает головой и аппетитно хрустит. Сок стекает по губам.

Кайл наблюдает, как животное поглощает яблоко.

— Найдём спеца, он починит системы и кончим его, — спокойно отвечает он, будто обсуждает, что будет есть на ужин.

— И что? Ты реально думаешь, что пропажу человека никто не заметит? — цепляю лису задними лапами за крюки, чтобы начать освежевывать шкуру.

— Мало ли кто его мог убить, — Кайл берет нож и начинает затачивать лезвие. Металл скрипит о камень — мерно, привычно, как давно заведенный ритуал.

— Это верно… — достаю зайца из мешка. — Давай будем решать по ходу событий. Может, завтра будет пасмурно или вообще дождь, тогда и рынка не будет…

Подвешиваю тушку на другую пару крюков. Кровь капает мне на ботинки. Мрак, привыкший к таким видам, с любопытством нюхает лисицу: вытянул сильную шею, ноздри широко раздуваются, втягивая мускусный запах. Затем конь резко чихает — и я подпрыгиваю на месте.

— Мрак, мать твою! Чуть инфаркт не хватил, — схватившись за грудь, ругаюсь на вороного.

Кайл глухо смеется, очищает кочан. Листья шелестят, обнажая кукурузные зёрна — ровные, светло-жёлтые, как мелкие зубы.

— Завтра будет солнечно, — он протягивает коню початок. Тот смотрит на меня, ожидая разрешения.

— Можно, Мрак, — киваю ему, и он нахрапом хватает кукурузу, чуть не откусив пальцы Кайлу.

— Вот дерьмо! — шипит Кайл, одергивая руку. — В следующий раз угощу тебя никотином! Сколько там его нужно, чтобы убить лошадь?

— Только попробуй, — улыбаясь, хлопаю коня по шее. — Кто обидит мою пусичку, тот пожалеет, что родился на свет.

— То есть, меня ему обижать можно? — Кайл скрещивает руки на груди.

— Угу…

— Вот те на! Мне что, пора ревновать тебя к коню?

Решаю перевести разговор в другое русло, зная ревнивую натуру Кайла. В его голову может взбрести реальная мысль о конкуренции… а в условиях изоляции шарики за ролики могут зайти у любого — вдруг он решит избавиться от объекта раздражения…

— Откуда ты знаешь, что завтра будет ясная погода?

— Мухоморы подсказали, — загадочно подмигнув, он кладет нож на забор и, подхватив рюкзак с кукурузой, направляется к дому.

Глава 2

До обменника нам шагать около восьми километров по заросшим полям и лесу. И это только в одну сторону, а ведь нужно еще вернуться обратно. К тому же мы идём не с пустыми руками — несём товар туда и оттуда. Машина стоит спрятанной неподалеку от дома, на чёрный день. Автомобиль сейчас — роскошь: им обладать хотят все, и чтобы не провоцировать народ, наш железный конь пылится в надежном месте, под слоем брезента и сухих веток. Вместо него средством передвижения служит Мрак.

Порой мне кажется, что он, как и я, радуется нашему мини-приключению — самой возможности выбраться за пределы дома, туда, где слышны голоса людей, а горизонт не перечеркнут забором. Конь ступает ровно, но чувствует настроение — уши дергаются, ноздри тянут встречный ветер, и я знаю: ему тоже любопытно, что там, за нетоптаной тропой. Широкие мышцы спины плавно перекатываются под седлом, оно приятно поскрипывает, и этот звук успокаивает нервы лучше любого чая. Я расслабляю плечи, и только сейчас замечаю, как сильно они были сжаты. Два мешка перекинуты через спину коня, свисают с двух сторон равновесной ношей. В них свёкла, морковь, кукуруза, немного высушенных трав, тушка зайца и лисы. Зайца можно выменять на что-то стоящее, а вот желающих на лисицу нужно поискать. У неё специфический вкус, мясо сухое и неприятно пахнет. К тому же этот хищник переносит бешенство, трихинеллез, эхинококкоз и ещё хрен знает что. Рисковать здоровьем и становиться домом для живых организмов желания нет — в связи с этим мы не употребляем в пищу лисье мясо. Но не все такие переборчивые, как мы: есть ценители, есть любители, а есть те, у кого нет выбора.

Хотя на мой взгляд, выбор есть всегда — вопрос в том, хочет ли человек прекратить жалеть себя и начать действовать, а не продолжать сетовать на плохую жизнь и довольствоваться тем, что есть. Всего лишь требуется проявить смекалку, хитрость, чуточку настойчивости, находчивости и характера — и вот ты уже не довольствуешься костями, а ешь сочное мясо кабана. Всё зависит от нас.

Лес редеет, и впереди открывается бывшее поле — когда-то подсолнечное, а теперь заросшая бурьяном целина. Ветер гуляет по ней волнами, трава клонится, поднимается, клонится — будто дышит. Мрак фыркает, косится на высокую траву, но идёт, раздвигая её грудью. Я вдыхаю глубже: пахнет пылью, сухими стеблями, далёким дымом. Где-то справа, за полосой деревьев, хрустит — мелко, по-птичьи. Не тварь и не мутант. Они хрустят иначе: тяжелее, злее, не скрывая себя.

Позади идёт Кайл, пыхтя и грязно ругаясь. Ему то и дело попадает: то конский хвост хлещет по щекам, то трава зло приложится по носу. Он несёт рюкзак, доверху наполненный орехами, каждые несколько минут поправляет лямки, которые въедаются в плечи.

— Надеюсь, там будет чем поживиться, иначе я спалю их всех к чертям собачьим, — он выплёвывает насекомое, залетевшее в рот, и сплёвывает ещё раз для верности.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? — без капли сожаления к нему говорю, вглядываясь вдаль. Там уже виднеется скопление народа — тёмные точки, шевелящиеся, как муравьи, и от этого зрелища что-то теплое шевелится в груди, будто я ребенок, которого впервые ведут на праздник.

— В последнее время ты меня удивляешь, поэтому даже представить не могу, — бурчит Кайл.

— Собаку.

— Даже не думай! — резко отрезает он, и от этого тона даже Мрак дёргается, переступает ногами, косит глаз на Кайла.

— Но почему, Кайл? У нас есть все условия для её содержания, — по-детски начинаю канючить, заранее зная его ответ.

— Ада… Собака — это существо, к которому привязываются, — Кайл обходит Мрака, становится сбоку. В волосах запутались мелкие колоски, на лице розоватые ссадины от колючей травы.

— И что? — спешиваюсь, беру коня за узду. Мрак тычется носом мне в ладонь, почёсываю его между ноздрей.

Кайл идёт вперёд, явно раздраженный моей идеей о питомце. Шагает широко, и я едва поспеваю за ним.

— Я не хочу слушать твоё нытьё, когда псину сожрут, — он, не оборачиваясь, отвечает.

— Давай заведём маленькую. На её тушку будет не так много желающих, — не унимаюсь я. Мне не так нужна собака, как нравится его злить. Есть в этом что-то до невозможности приятное.

— От мелкой никакого прока, только шум.

— Тогда большую.

— Эти блоховозы стоят как тачка. Нет. И точка. Я всё сказал, — Кайл уверенно шагает к столбу с табличкой, на которой черной краской криво написано: «Ярмарка».

Замолкаю. Шутки в сторону. Обменник несет не только пользу — всегда есть риск нарваться на бандитов. На рынке есть правила: не стрелять, не воровать, не конфликтовать. Все разборки — за пределами. Нарушение правил карается строго. Самое безобидное — это когда у тебя отберут всё, вплоть до грязного белья. Но обычно у тебя сначала всё отберут, а потом ещё и пустят пулю в лоб.

Глаза начинают бегать сами: кто стоит, кто идёт, кто слишком долго смотрит в твою сторону. Толпа — она разная. Кто-то пришёл менять, кто-то — присматривать, а кто-то просто стоит у края и считает, сколько мешков ты нёс и куда повернул после сделки.

Большинство соблюдают правила. Но встречаются и те, кто решает проверить, насколько хорошо работают блюстители рыночного порядка. Они могут подставить, обыграть всё так, что виноватым будешь ты, — и попробуй докажи обратное. В общем, держим ухо востро.

Мы идём по насыпи, и я считаю посты. Первый — на крыше заправки, стрелок с винтовкой, лицо закрыто тканью. Второй пост — у съезда с трассы, двое: один с ружьем, второй с рацией. Третьего я не вижу, но знаю, что он есть, потому что на таких ярмарках всегда минимум три поста.

— Лишних движений не делай, — тихо говорит Кайл, не оборачиваясь.

Я и не собиралась.

Контрольный пост — два бетонных блока и капот от грузовика, поставленный поперек, как баррикада. За ним сидит мужик в разгрузке, с обгоревшим шрамом через всю щеку. Он смотрит на нас из-под козырька, его правая рука лежит на рукояти пистолета.

— Сколько? — спрашивает он.

— Двое, — отвечает Кайл.

— С чем?

— Продукты.

Шрам кивает, два мужика отодвигает капот. Я чувствую, как меня оглядывают — не одежду, не снаряжение, а то, как я двигаюсь. Не лихорадит ли меня. Нет ли укусов на теле. За четыре года все привыкли быть на чеку.

— Иди вперёд, — Кайл кивает, пропуская меня.

Делаю шаг, но путь мне преграждает долговязый мужчина. Он гоняет между золотистых коронок конфету на палочке, на вороте куртки дыра, пропаленная сигаретой, седые волосы неопрятно топорщатся. От него тянет застарелым потом и мочой, будто он не мылся с того

самого дня, когда всё рухнуло. Любитель леденцов несколько секунд пристально смотрит мне в глаза. Я смотрю в ответ.

— Что надо? — не отводя глаз, задаю вопрос.

— У нас новое правило, — он с чавканьем вытаскивает конфету изо рта, держа за палочку, машет ею в воздухе. — Вход с недавних пор платный.

Переглядываемся с Кайлом, он коротко мне кивает, спокойно подходит ближе.

— Какова плата?

Тот, что со шрамом, мечтательно закусывает губу, устремив свое внимание на меня. Открывает рот, чтобы выказать своё желание, как долговязый выдаёт:

— А что у вас есть?

— Орехи, — предлагаю то, что не жалко.

Он хмурится, цокает:

— Грызть нечем, — открывает рот, демонстрируя мне четыре коронки сверху и три снизу. Остальные зубы давно покинули ротовую полость, оставив после себя только гнилой смрад, от которого хочется отшатнуться.

С трудом сдерживаю тошноту, но стою на месте.

— Это не наши проблемы. Бери, что дают, — Кайл играет желваками. Он прекрасно знает, что, начав перепалку с пропускными, мы рискуем не выбраться отсюда. Его убьют, а меня заберут в секс-рабство. Приходится быть сдержанными, насколько позволяет характер.

Порыв ветра приносит консервную банку и швыряет её в капот, от грохота наши оппоненты втягивают головы. Кайл поднимает взгляд в небо — из-за горизонта ползут черные тучи, сплошной стеной.

— Недолго музыка играла… — он возвращает внимание на златозубого. Тот тоже изучает надвигающуюся угрозу, щурясь на небо, словно прикидывая, сколько им осталось. — Скоро лавочку придется закрыть. Берешь товар, или мы уйдем прямо сейчас?

Из-за угла выбегает серебристо-серая собака — прямиком к нам. Мрак, не ожидавший такой прыти, дёргает головой, мой палец, удерживающий поводья, цепляется за острый край.

— Вот чёрт, — смотрю на то, как капелька алой крови собирается на кончике пальца.

Пёс тем временем обнюхивает меня, радостно виляя коротким хвостом. Глажу его за длинным ухом — мягкое, тёплое, и на секунду всё остальное отступает: и златозубый, и гроза, и рынок. Пес облизывает мою руку, слизывает кровь.

— Это веймаранер? — не сдерживая улыбки, глажу поджарое тело собаки.

— А хрен его знает, — пожимает худым плечом беззубый.

— Ага, — мужчина небольшого роста вальяжно выплывает из-за угла. — Веймаранер, легавая, отличный следак.

— Мэни, они не хотят платить мзду, — мужик в пропаленной куртке тычет в нас пальцем.

— Не ври! — отлепляюсь от легавой, делаю шаг к нему. — Тебе предложили товар, ты отказался.

— Молчать, женщина! — повышает он голос, чуть краснея.

— Слушай ты, — скрипнув зубами, Кайл сжимает кулаки. — У меня с утра чешутся кулаки, и я борюсь с диким желанием почесать их о чьи-нибудь зубы. Соси свой леденец и не провоцируй.

Напарник со шрамом выпрямляет спину. Беззубый засовывает леденец в рот, кладёт руку на рукоять пистолета. Коренастый подзывает собаку, та послушно усаживается рядом. Мой разум борется с желанием начать палить по ублюдкам, и всё же жить хочется больше, чем заткнуть им рты. За долю секунды говорю первое, что приходит в голову:

— У нас есть лиса, хотите? Мясо — деликатес, прям от сердца отрываю, но очень хочется попасть в обменник.

— Ада, это расточительство, — подыгрывает мне Кайл.

Молчания. Секунды тают вместе с моей надеждой на то, что мужланы поведутся на моё предложение. Златозубый перекатывает леденец во рту, шрам смотрит мимо, скучающе. Ветер гоняет пыль, швыряет её, бьёт в лицо сухими песчинками.

— По рукам, — улыбается Мэни. — Кобылу в придачу не хотите отдать? Жрёт ведь много, а мне прокормить не в тягость, да и для работы пригодится.

— Это жеребец, — крепче сжимаю поводья, и Мрак, будто почувствовав, что о нём говорят, фыркает тряся головой. — Скверный характер, ленивый, для работы не годится, кусается как тварь. Держим его на мясо.

Кайл достаёт лису, передаёт тушку Мэни. Тот подносит её к носу, втягивает запах, закатывает глаза и выдыхает:

— Обожаю…

Мускусный запах лисицы бьет в нос. Морщусь, отвернувшись к морде Мрака. Чтобы перебить вонь, уткнувшись в его щёку, втягиваю носом запах конского пота — уж лучше он, чем лисья вонь. Мрак фыркает, горячий выдох обжигает мне ухо, и я невольно улыбаюсь.

— А вы откуда? Где обитаете? — лицо со шрамом с прищуром изучает нас. Взгляд скользит по мешкам, по коню, задерживается на моём лице. Не нравится мне этот взгляд.

— Кочуем, — коротко отвечает Кайл. — Ада, идём, скоро тучи скроют солнце, нужно успеть хоть что-то обменять.

— Даже в постапокалипсисе приходится платить налоги — ужас, что за жизнь, — ворчу под недружественными взглядами и следую за Кайлом. В спину колет острое внимание. Не оборачиваюсь.

Торговая линия — это столы из дверей, досок, капотов, всего, что нашлось.

Мужчина с орлиным носом жарит мясо, напевая песню. Дым несёт гнилостно-сладковатый запах. Кайл бросает на меня короткий взгляд, но молчит. Мы оба знаем, что это за мясо.

— Это то, о чём я подумала? Он торгует жареной трупачиной?

— Судя по запаху — да, — отстраненно отвечает Кайл, осматривая площадку. Его глаза бегают по рядам, по лицам.

Чтобы не вникать в гастрономические предпочтения местного населения, переключаю свое внимание на рынок.

Первый ряд — еда. Мешки с крупой, перевязанные бечевкой. Консервы — банки помяты, этикетки выцвели, но раскупают их быстро. Срок годности значения уже не имеет, важно то, что банка не вздулась. Сушеные грибы, травы — пучки висят на веревках, покачиваясь на ветру. Соль в спичечных коробках, и около нее всегда очередь. Соль — это жизнь, она необходима организму для нормального функционирования, и люди быстро это усвоили.

Дальше — одежда. Вещи разложены на простынях, расстеленных прямо на земле. Каждая вещь — из прошлого мира, из чужого шкафа, с чужого тела.

Белая пара кроссовок стоит рядом с синими джинсами — яркая, нелепая, непрактичная в этом море грязи и серости. Я смотрю на кроссовки и думаю: чьи они были? Где их нашли?

Кайл дёргает меня за рукав:

— Не твой размер, идём.

— Дай хоть посмотреть, зря что ли приехали.

— Смотри, но не зависай. Нужно обменять товар и валить отсюда.

— Думаешь, твари где-то рядом? — инстинктивно оглядываюсь вокруг. Толпа гудит, хохочет, торгуется — и от этого шума мне становится не по себе.

— Галдеж для них как приглашение на обед. Когда они появятся — дело времени, — Кайл смотрит в небо на свинцовые тучи. — Как только солнце скроется, сматываемся.

Тёмное небо низко нависает над головами. Ещё минут десять, и яркое солнце скроется, сдаст пост мрачности, а та в свою очередь откроет путь голодным зомби, которые топчутся

в темноте, ожидая приглашения забрать свой заказ. Ведь мы сейчас — как живая еда в этой закусочной под названием «ярмарка».

— До конца дойти не успеем, — говорю скорее себе, потому что Кайл уже двинул вперёд.

Идём дальше. Прямо посередине стоит столб с прибитой доской, на ней фотографии, бумажки, объявления. Фотографии выцвели, края скрутились от влаги, размытые тени, улыбаются из прошлого мира. Сама не знаю для чего читаю объявления: «Ищу сестру, Анастасия, рост средний, родинка на левом виске». «Видели стадо в районе заправки, особей сорок, идут на запад». «Требуется медик, оплата — крыша и еда». «Ищу родителей, маму Алексу и отца Гарри, оба худощавые, невысокого роста, волосы темные, на вид около пятидесяти лет. Были одеты в форму медиков скорой помощи. Мам, пап, я жду вас у тети Мэг».

Последняя записка — на тетрадном листе в клетку. Буквы мелкие, неровные. Кто-то всё ещё ждёт и верит.

Я тоже искала родителей… Как же тяжело мне далась потеря моих близких. Меня разрывало изнутри, я лезла на стену, вновь и вновь прогоняя в мозгу картину, как я пустила пулю в лоб каждому из них.

Кайл всё время был со мной. Если бы не он, скорее всего, я отправила бы пулю в лоб и себе. Потерять всех, кто тебе дорог, — это потерять себя. Остаться в одиночестве, без прошлого, без будущего, без человека, который тебя любит, — равно смерти. Ты вроде бы существуешь, но вроде и нет. Тебя больше ничего не связывает с прошлым миром, твои воспоминания не с кем разделить. Я благодарна судьбе, что она оставила мне Кайла — мой канат, мой двигатель к жизни. Он генератор моей жизненной энергии. Благодаря ему я пережила боль потери и не сошла с ума. А может, и сошла. Сумасшедшие ведь не понимают, что они не такие, как все…

Обхожу столб. Дальше — живой товар. Куры в ящиках, клюют собственный помет. Две козы на верёвках, жуют капустные листы. Крупная дворняга на цепи — сидит смирно, смотрит на проходящих мимо людей темными глазами. В этих глазах до боли знакомая безнадежность. Та самая, что я видела в своих, когда смотрелась в зеркало первые полгода после катастрофы.

Кайл уже стоит около торговца. Седовласый мужчина подрагивающими пальцами застёгивает пуговицу на белом халате, надетом поверх куртки. На импровизированном из мусорного контейнера прилавке представлены таблетки, бинты, антисептик. Товар, который ценится дороже, чем оружие, патроны и еда.

Медикаменты у нас припасены, но лишними они не будут — это вложение на будущее. Так странно: раньше люди вкладывали инвестиции в золото, недвижимость, а теперь — в лекарства и продукты питания. Ностальгирую по моментам, когда нажатием пальца можно было заказать еду на дом, спокойно гулять по улице, не рыща глазами бешеных монстров.

Жаль, но так, как раньше, уже не будет. Безусловно, со временем мир изменится: через несколько поколений человечество либо вымрет полностью, уступив место мертвецам, либо найдёт способ нормально с ними сосуществовать, либо оставшаяся горстка учёных всё же изобретут вакцину, способную остановить то, что они же когда-то выпустили из ада.

Кайл кивком подзывает меня, подвожу к нему Мрака. Конь косится на пса в паре метров от нас, тот рычит, скалится, но продолжает сидеть на месте. Я глажу Мрака по шее.

— Даже не думай, — Кайл качает головой, развязывает мешок, достает тушку зайца, свёклу и несколько початков кукурузы.

Цокаю в ответ и с щемящей болью в сердце вновь смотрю на собаку. Пёс беспородный, такого возьмут только на мясо. Он не имеет охотничьих качеств, а это пользуется спросом — ведь приходится добывать дичь своими силами. Он не пастух, чтобы охранять отару овец от набегов волчьих стай. Не декоративная собачка, чтобы скоротать мрачные вечера. Он просто большой пёс со свалявшейся шерстью и умными глазами. Для большинства он просто мясо. А я вижу в нём того, кем он был раньше: чьим-то другом, чьей-то радостью.

— Что просишь за пса? — подхожу, удерживая Мрака за поводья. Конь переступает с ноги на ногу, шевелит ушами.

Собака поднимается, скалится сверкая глазами. Бородатый продавец пинает в шерстяной бок — пес взвизгивает, поджимает хвост, припадает на передние лапы и ложится. Сжимаю пальцы до хруста, представляю, как пуля влетает недочеловеку в глазницу и разносит в клочья черепную коробку. Ублюдок. Чтоб тебя твари обглодали.

— Что прошу? — чуть ухмыльнувшись, он сплевывает на землю. — Всё, что у вас есть… И тебя, — тяжёлая ладонь хлопает меня по заду.

Наглец поглаживает неухоженную бороду, самодовольно глядя на меня. Я стою обескураженная. Изоляция даёт свои плоды — я разучилась общаться с людьми, парировать. Мой острый язык стал плоским, лежит во рту, не шевелясь, лишь горло мычит нечленораздельно. Вспыльчивость и бесстрашие погасли, их потушило добровольное заточение. Если бы я послушала Кайла и мы с самого начала нашли пристанище на базе среди выживших, такого бы не произошло. А сейчас я словно кисейная девица, не умеющая за себя постоять, стою и хлопаю глазами. Внутри кипит — слова ищут выход, но застревают где-то в горле.

Кайл проносится мимо меня — ударом справа валит на землю бородатого. Тот в полёте цепляет клетку с курами, она падает, дверца распахивается, птицы с кудахтаньем выпрыгивают, разбрасывая пух и перья. Воздух наполняется белыми хлопьями. Собака бросается на Кайла, хватает его за рукав и начинает яростно трясти. Кайл выхватывает пистолет из кобуры:

— Блять! Брось!

Дворняга глубже захватывает его руку, виснет всем весом, заставляя Кайла наклониться.

— Отзови собаку! — ору на всю площадку, хватаю пса за ошейник, стараясь зафиксировать. Животное рычит, хрипит, воняет псиной и кровью.

— Пошли на хер! — бородатый поднимается, свистит, засунув в рот два грязных пальца.

Зеваки вмиг сбежались, позабыв о том, зачем пришли. Несколько стоят, скрестив руки на груди. Одна сморщенная женщина закрыла обветренными ладонями рот. Парень, закусив губу, не моргая смотрит то на меня, то на Кайла, то на раскрасневшегося торговца. Им бы ещё чипсы с пивом — и можно делать ставки, кто из нас выйдет отсюда живым. И что-то мне подсказывает, что никто.

— Ада, отойди! — Кайл приставляет дуло ко лбу озверевшей собаки.

Сердце сжимается. Пальцы расцепляются, делаю два шага назад. Кровь отливает от лица, нащупываю уздечку Мрака, до боли сжимаю её. Вороной топчется, ржёт, хаотично дёргает головой.

Грохот выстрела. Женские крики, топот ног. Народ бросился врассыпную. Тело собаки с глухим стуком падает, разбрызгивая кровь и мозги. Куры мечутся между ног, кудахчут, топчутся в крови.

Кайл оголяет предплечье — на нём дыры от клыков и кровоподтеки, тёмные брови сходятся к переносице.

— Я требую возместить мне ущерб! — бородатый, вытирая кровь из разбитого носа, указывает на мёртвую собаку, затем себе на лицо. — И за это ты тоже заплатишь!

— Не хрен распускать руки, чёртов ублюдок! — стираю крупные капли со лба, отвожу Мрака в сторону от трупа собаки. Он фыркает, бьёт копытом, толкает меня мордой, поглаживаю его по бархатному носу. Дождь усиливается, тарабанит по металлическим прилавкам.

— А ты докажи, — едва уловимая улыбка виднеется сквозь густую бороду.

— Советую тебе прикрыть рот и решить всё мирно, или ляжешь рядом с псиной, — Кайл смотрит ему за спину. К нам направляются наши знакомые — Мэни и любитель леденцов. Лица сосредоточенные, руки лежат на оружии. Охотничий пес бегает кругами, уткнув нос в землю. Воздух наполняется землистым запахом с примесью крови, навоза и тлена — и последнее в этом запахе мне до одури не нравится.

— Что будем делать, Кайл? — беру его под локоть, мышцы каменные.

— Бежать, — он подталкивает меня к коню, молниеносно срезает мешки, привязанные к седлу. Те падают, овощи рассыпаются под копыта Мрака. Сердце пропускает удар, тело реагирует на опасность: вскакиваю в седло, не чуя земли под ногами. Конь ржёт, вскидывает голову, готовый вот-вот сорваться в галоп, тяну поводья на себя:

— Ждать, Мрак!

— Стоять! — хрипло кричит Мэни, выхватывая пистолет из кобуры.

— Хер тебе, — бросает Кайл, запрыгивая в седло позади меня. Мрак, шумно выдохнув, топчет ногами, его тело вибрирует подомной.

— Куда? — ищу выпученными глазами путь отступления. Бородатый замахивается ножом, швыряет его — лезвие со свистом пролетает перед моим носом.

— Давай в объезд, гони в конец рынка, — Кайл щёлкает затвором, я разворачиваю коня.

— Пошёл! — бью под бока, конь легко срывается с места, несмотря на двойную ношу. Горбатый мужик отпрыгивает в сторону, одна из кур попадает прямо под копыта — влажный хруст, и перья летят вверх.

Двойной выстрел. Истошный мужской вопль позади.

— Есть! Попал в мудилу, — Кайл ближе прижимается ко мне, подпрыгивая в такт бегу Мрака.

— Стоять, а то хуже будет! — вдогонку летит нам.

Народ начинает бежать в нашу сторону. Люди с ошалевшими глазами несутся, бросив своё добро.

— Назад! Разворачивайтесь! — пожилой мужчина машет нам, держа в руках двустволку. — Стадо совсем рядом.

— Твою мать, — цежу сквозь зубы, пульс бьётся в глотке.

— За фильтрами сворачивай, — Кайл указывает на деревянный настил с фильтрами для воды.

В ушах стоит гул: собственной крови, людских криков, шума дождя, стука копыт, гомона голосов и приближающегося рычания. Перед глазами мельтешат картинки — кто-то пытается собрать товар, кто-то стремглав бежит, не видя дороги, кто-то, пользуясь ситуацией, сгребает чужое.

Замечаю первых зараженных. Они навалились на худую корову, с остервенением рвут шкуру, жрут еще живое животное. Она мычит, пытается сбежать, но их слишком много. Они как стая гиен облепили её, повиснув на боках, шее, один вцепился в вымя. Корова бьёт копытом по его плечу — а ему всё нипочём. Гнилые зубы вонзаются в розовую плоть.

Притормаживаю перед фильтрами, чтобы войти в поворот.

— Кайл, смотри в оба, — пересохшим ртом командую я.

— Я этим и занимаюсь, — щелчок предохранителя подтверждает его слова.

Тяну поводья влево, Мрак поворачивает, делает пару шагов и вскакивает на дыбы. Успеваю среагировать — сжимаю колени, хватаюсь рукой за гриву. Чувствую, что давление сзади пропало, слышу отборный мат, а затем:

— Держи коня! Тут твари!

Один зомби совсем рядом — тянет обглоданную кисть, ноги также съедены, непонятно, как обнаженные кости держат тело. Дрожащей рукой нащупываю рукоять пистолета, но Кайл стреляет первым. Тварь падает, конь отшатывается в сторону. Второй мертвяк стучит зубами, прижимается, словно готовясь к прыжку, впалые глазницы смотрят прямо на меня красными глазами. Леденящий страх пробегает по спине. Вскидываю пистолет, стреляю — патрон взрывает рот, раскидывая мозги по земле. Мрак коротко подпрыгивает на передних ногах.

— Погнали, — Кайл взбирается в седло.

— Вперёд, Мрак! — конь не уверенно обходит мертвеца, кося глазом на темную лужу.

— Пошёл! Пошёл! — Кайл бьёт жеребца по крупу, срывая его в галоп.

Глава 3

Рука Кайла хватает меня за пояс, прижимает к себе.

Я не оборачиваюсь, но слышу: крики, выстрелы, рык — всё смешивается в один звук, который катится за нами, как волна.

Первые секунды Мрак несется как сумасшедший. Копыта бьют по мокрой траве, выбрасывая вверх комья грязи. Я чувствую, как работают его мышцы. Он рвано дышит с хрипом на выдохе.

Вокруг поле, открытое, во все стороны. Трава, примятая дождём, и грязь, которая делается всё скользе. Меня подбрасывает на каждом скачке, если бы не рука Кайла, я бы уже ехала лицом по земле.

Капли дождя бьют в лицо, как мелкие камни. По шее жеребца течет пот смешанный с дождевой водой. Прикладываю руку к Мраку он горячий, как печка. Ещё немного, и он перегреется.

Не знаю, сколько прошло. Минута? Две? Время перестало существовать.

Я поворачиваю голову. Кайл смотрит назад, через плечо, жилы на шее натянуты.

Там, где был рынок, стоит облако серого дыма, подсвеченное огнём. По полю, движутся темные фигуры.

Смотрю вперёд. Поле уходит под уклон, за гребнем, начинается лес, а за ним наш дом.

— Мрак, еще немного, — кричу ему на ухо.

Конь прижимает уши, удары копыт стали тяжелее. Молю высшие силы, чтобы он не споткнулся.

Жеребец дышит так, будто воздух не успевает доходить до лёгких: короткий вдох, хриплый выдох, снова вдох. Чувствую бедрами как его бока ходят ходуном.

— Давай малыш, — похлопываю его по взмыленной шее.

Мы переваливаем через гребень. До леса метров триста. Мрак несется под уклон, и здесь хуже всего: мокрая трава, земля раскисла, копыта скользят. Я чуть отпускаю поводья, и Мрак сам выравнивается, сам выбирает, куда ставить ноги.

Последние сто метров до деревьев он проходит тяжёлой рысью. Конь сделал своё дело, спас нас, донес наши тушки. Это всё, что от него требовалось.

Под кронами становится тише. Дождь глухо бьёт по листьям. Мрак сам останавливается, опустив голову, его бока ходят так, что кажется, ещё немного, и сердце выпрыгнет из грудной клетки. Пар валит с него, как из чайника.

Кайл спешился первым. Я слезаю — руки трясутся. Дождь пробирает до костей. Адреналин гуляет по телу и не знает, куда деться.

— Ты умничка, — целую коня в горячий лоб.

— Ему нельзя стоять после галопа, да и нам следует поторопиться, — Кайл всматривается вдаль, стерев ладонью капли с лица. — Вроде оторвались. Пойдём.

Холодными пальцами убираю с лица прилипшие мокрые пряди, беру поводья, сканирую местность выбирая, куда нам лучше пойти. Лес стоит тёмной сплошной стеной, от него тянет опасностью.

— Туда, — Кайл ступает на пружинистую траву, она чавкает под подошвой, вода обнимает ботинок. — Пойдём напрямик через лес, так быстрее.

— Сколько нам до дома? — иду след в след за ним.

— Через бурьян километра три, если в обход, то вдвое больше, — Кайл на ходу срывает несколько рубиновых ягод клюквы с придорожного куста, забрасывает в рот. Клюква кислая, он морщится, но жуёт.

Мрак хрипит, обдаёт меня жарким дыханием, наклоняется к земле, пытаясь напиться дождевой воды. Я одёргиваю его, перехватываю под удила, слюна пенится из бархатных губ.

— Нельзя, Мрак, тебе нужно остыть, это для твоего же блага, — виновато поджимаю губы. Представляю, насколько он хочет пить и как меня сейчас ненавидит за этот запрет. Я отворачиваюсь, потому что этот взгляд проще не встречать, чем противиться.

Конь послушно идёт следом, его дыхание оглушительно разносится по лесу. Мощное тело ломает слабые ветки, они хрустят, заставляя меня то и дело оглядываться по сторонам.

— Этот чёртов конь соберёт к нам всю местную нечисть, — Кайл переступает через пень, поросший мхом.

— Он вообще-то нас спас, — обхожу пень, осторожно ведя за собой вороного. — Если бы не этот чёртов конь, ты бы валялся в грязи и дерьме с пулей во лбу, а меня бы… меня бы насиловали грязные мрази… фу, — передёргиваю плечами, сбрасываю картинки, спроецированные мозгом.

— Нехрен было лезть к псине, — Кайл отводит в сторону большую сосновую лапу, пропуская нас вперед. — Сначала одной чуть ли не в задницу залезла, потом решила поиграть в благодетельницу… Ты знаешь, что охотничья шавка тебя по крови может в два счета найти?

— Знаю. Я не хочу сейчас обсуждать то, что произошло.

— Вот только не надо сейчас делать из себя обиженку. Ада, пора взрослеть — порой ты как ребёнок, ей-богу, — Кайл обгоняет меня, пинает толстую палку на тропинке, та улетает в колючие кусты.

Я проглатываю его слова. Если начну препираться, это перерастет в скандал, которого меньше всего хочется в данный момент. Сейчас я больше всего хочу оказаться в доме — в безопасности, в тепле, за надежным забором. Моё сердце тарабанит в пятках до сих пор. Мне кажется, что за нами следят, кожа то и дело покрывается мурашками. Эта паранойя разгоняет тревогу как центрифугу. Пальцы сжались на удилах настолько, что я их уже не чувствую. Кайл же показывает только своё недовольство моим поведением, не подавая вида, что ему страшно. Но я думаю — ему тоже страшно. Не может быть не страшно.

Дождь, мрачно, вокруг деревья, где-то там бродят живые мертвецы, а ещё мутанты. Мертвецы нападают не скрываясь — лоб в лоб, напролом. А вот с мутантами всё сложнее. Эти твари охотятся, выслеживают добычу, как хищник, обладающий расчетливым разумом. Они таятся в глубине теней — глазом не успеешь моргнуть, как тебя уже жуёт чья-то зубастая пасть.

Проглатываю колючий ком, он скребёт по сухой глотке, облизываю с губ капли дождя.

Продвигаемся в быстром темпе, молча, под чавканье почвы, хруст веток и чуть успокоившееся дыхание Мрака.

Коню периодически прилетает по морде колючими ветками — он фыркает, но топает следом. Несколько раз даже пытался щекотать мою шею своими губищами. Я смогла выдавить из себя нервный смешок, видимо, это его не удовлетворило, и конь отложил свою затею на потом.

Лес вокруг нас будто сжимается, деревья теснее, ветки ниже, дождь гуще. Я иду и думаю о том, что скоро буду дома, что Мрак получит свою порцию овса, что Кайл перестанет дуться. Думаю о привычном, потому что оно спасает от страха.

— Почти пришли, — подаёт голос Кайл, раздвигая раскидистый кустарник. Пожелтевшие листья сыплются на размокшую землю. Колючка вонзается ему в ладонь, алая капля катится по коже, оставляя дорожку. — Твою мать!

— Мы бы и так прошли, — перешагиваю примятый куст. Мрак немного топчется на месте и, собрав волю в кулак, всё же переступает через колючки.

— Могла бы спасибо сказать, — Кайл с недовольной миной равняется со мной.

— Ну спасибо, — говорю с раздражением, хотя сама не понимаю, за что злюсь на него.

— Двести метров и мы дома, — он уводит разговор в сторону.

— Отлично, — вижу перед нами несколько деревьев, за ними — клок заросшего поля и наш дом. — Как твоя рука?

— Я в норме, — Кайл смотрит на свои бледные пальцы. — Надеюсь, псина была не бешеная.

— Не бешеная, она просто защищала эту мразоту… преданная животина…

— Если бы ты не полезла её спасать, всё было бы нормально. Припасы бы пополнили и не бежали как трусливые лохи…

— Бежать нам бы в любом случае пришлось! — я закипаю, даже то, что мы вышли из леса, уже не радует. До хруста сжимаю пальцы на поводьях Мрака, тот, чувствуя моё настроение, не издаёт ни звука и не делает лишних движений.

В очередной раз убеждаюсь, что лошадь — одно из умнейших созданий. Кайл сейчас на его фоне выглядит умственно отсталым.

— Но не так позорно, — Кайл идёт по глубокой луже, спина прямая, напряженная.

— Может, собака действительно бешеная была... С какой стати ты на меня нападаешь? Между прочим, это ты кинулся драться! — ядовито говорю ему в спину.

— А ты хотела, чтобы торговец трахнул тебя в обмен на шавку? — он резко разворачивается, глаза округляются, и в тот же миг сзади раздается глухой удар. Мрак взвизгивает, меня с силой разворачивает на месте. Острая боль простреливает руку от пальцев до ключицы. Мир будто замедляется. Смотрю на кисть — кожа свезена, кровь капает на землю. Поднимаю глаза — Мрака нет.

— Беги, Ада! Беги! — орёт Кайл сзади.

Сбоку возня и ржание. Мой верный друг лежит на боку, длинные ноги взбивают дождевую воду до пены, она окрашивается в красный. Два мутанта грызут его. Два огромных волка, похожие на того, что был в лаборатории Вайса, будь он проклят стократно. Один вонзил свои клыки-кинжалы в шею, пасть практически полностью обхватила её. Мрак хрипит, полный ужаса глаз смотрит на меня. Моё сердце сжимается, в глазах темнеет, в ушах писк. Рука дрожит, нащупываю пистолет, пока вторая тварь вспарывает ему живот. Кишки выскальзывают из отверстия, расплываются по грязи. Мрак дергается несколько раз и вытягивается в предсмертной судороге. У меня всё обрывается — сердце разрывается на колючие осколки и вонзается в душу, оставляя в ней кровоточащие раны.

— Суки, убью, — вскидываю пистолет, чтобы прикончить монстров, лишивших меня друга.

— Не стреляй, — Кайл выхватывает пистолет, берёт меня за воротник. Бью его по руке, но он слишком крепко держит.

— Они. Его. Убили. — чувствую, как мой подбородок трясется, предательские слёзы катятся по щекам. — Я должна отомстить!

— Ты должна выжить. Развернись и спокойно иди. Когда я скажу бежать — ты побежишь, — он цедит сквозь зубы, сверля меня непреклонным взглядом.

Волки продолжают жрать моего коня, не обращая на нас внимания. Они хрустят его костями, с остервенением рвут шкуру, добираясь до мышц.

А я стою и просто смотрю. Я позволила им убить его. Я ничего не сделала. Я слабая, я никчемная, я не могу защитить ни себя, ни того, кто мне дорог. Что со мной стало? Куда делась та Ада, которая ни черта не боялась и лезла на рожон?

— Иди, — встряхивает меня Кайл.

Переставляю ватные ноги по мокрой траве. До забора осталось не больше ста пятидесяти метров — еще немного, и мы все были бы в безопасности. Как можно было так облажаться? Как можно было расхлябанно выяснять отношения, позабыв о мерах безопасности? Мрак… как же так… как ты мог не услышать их…

— Беги! — кричит Кайл. Выстрел грохочет в воздухе, инстинктивно прижимаю голову, оглядываюсь. Из леса выбегают ещё два мутанта — худые, облезлые. У одного из-под рёбер вываливается петля кишечника, у второго свисает оторванное ухо, оно болтается на лоскуте чёрной шкуры, шерсть слипшаяся, по ней стекает черная слизь. Волки смотрят на Кайла, переводят взгляд на тело Мрака.

— Кайл, уходи, — шепчу, стоя как вкопанная.

Он задом отступает, держа тварей на прицеле. Тот, что с дырявым боком, прыгает вперёд. Выстрел разрывает воздух, пуля попадает ему в глаз, вышибает мозг с другой стороны. Мутант падает в лужу, брызги обдают пирующих тварей. Кайл срывается с места, тем самым выводя меня из оцепенения.

— Беги, мать твою! — он толкает меня, заставляя шевелить ногами, не чувствуя земли.

Подошва скользит по грязи, Кайл хватает меня под руку и буквально несёт на себе. Успеваю оглянуться — волки склонились над убитым собратом, будто скорбят от потери.

— Блять! Вставляйся ты, — ругается Кайл, пытаясь вставить ключ в замок. Пальцы дрожат, с третьего раза ключ заходит в скважину.

Он вталкивает меня внутрь, успеваю увидеть, как твари подняли головы, провожая нас черными глазами, через которые смотрит сама Смерть.

— В дом! Запереть ставни! — Кайл захлопывает ворота, глаза обезумевшие.

Забегаем в дом. Он бахает железной дверью, наспех закрывая её. Сердце бьется в горле, пальцы онемели от холода и ужаса. Разбегаемся по дому, закрываем металлические ставни на решетчатых окнах. Пространство тут же погружается в кромешную темноту. Лёгкие горят, дышим шумно, в ушах слышу, как по венам гуляет кровь. Стою посреди комнаты, сжав кулаки, не видно ни зги.

— Всё хорошо, мы в безопасности, — Кайл осторожно обнимает меня. — Мне жаль, Ада, правда жаль…

— Кайл, пожалуйста, давай просто помолчим, — проговариваю я, прежде чем из горла вырывается рыдание. Больно терять то, что тебе дорого. А в мире, который пал, это ещё больнее — ведь в нём становится всё меньше такого драгоценного чувства, как любовь, всё меньше того, что держит на плаву и не дает затухнуть огню, который поддерживает в тебе стремление выжить.

— Нужно обработать твою руку. Идём в ванную, — тусклый свет фонаря прорезает темноту, выхватывая из нее угол светлой стены и дверь в уборную.

Как только он напомнил про руку, резкая пульсирующая боль обожгла кисть. Кожу стянуло липкой кровью. Бреду за Кайлом, он щёлкает выключателем, пропуская меня вперёд. Коридор узкий, и я задеваю раненой ладонью стену — короткая вспышка боли, и я прижимаю руку к груди, как ребенок.

— Возьму аптечку и вернусь, — он говорит через плечо, удаляясь. Шаги стихают, и я остаюсь одна.

Вода мерно капает с волос на плитку. Яркий свет слепит глаза. Холодная, мокрая одежда прилипла к телу, машинально скидываю ее. Ткань цепляется за порванную кожу на ладони, надрывает её, кровь вновь начинает сочиться. Поворачиваю вентиль и встаю под воду. Струи бьют в макушку, и туда же приходит осознание всего ужаса, который я сделала с собой. Я превратила себя в цветок под колбой. Отгородилась от реальности, считая, что так надежнее, а оказалась что, так я рою себе могилу.

Слабым тут не место. Хочешь жить — выгрызай свой путь зубами, выбивай кулаками, режь ножом и стреляй без сожаления. Иначе найдётся тот, кто не моргнув, провернет это с тобой. Новая версия Ады мне не нравится. Я возвращаю ту, что со старой, но надежной прошивкой. Нет места нытью и страху.

Глава 4

Тёплая кружка согревает ладони, пар от чая завивается над ее краями. Травмированная рука зажила за сутки. В вакцине всё же есть плюс — она действительно омолаживает тело, заставляет клетки регенерировать с огромной скоростью, заживляет серьёзные ранения. Если бы не МОД-1, то моя рана долго не давала бы покоя, недели две как минимум, а то и вообще загноилась и пришлось бы прибегнуть к ампутации. Укусы на руке Кайла тоже затянулись. Я уговариваю его поверить, что чудодейственная вакцина поборет вирус бешенства, если собака всё же оказалась носителем. Он скептически относится к этому, ссылаясь на то, что большая часть населения Земли пала по вине всё той же вакцины.

— Как же так вышло, что одни стали живыми мертвецами, а другим досталась участь жить в здоровом теле, но в гнилом мире? — рассуждаю вслух, стоя на крыльце. Сумрак вечера медленно съедает остатки света, погружая двор в безмолвную темноту. Двор совсем пуст — в нём больше нет жизни. Нет родителей, дедушки, Мрака, нет даже кур. Пусто и холодно, как в склепе. Только ветер шуршит листьями там, где Мрак совсем недавно выбивал копытом землю, и от этого звука сердце сжимается.

Делаю глоток горячего чая — он согревает горло, но не греет душу.

Интуиция твердит, что нужно уходить отсюда, бросить всё и бежать без оглядки. В конце концов нас найдут — будь то зомби, мутанты или люди. Нас найдут и убьют. Хотя нет, меня скорее всего продадут в рабство, где заставят рожать от кого-нибудь озабоченного ублюдка, возомнившего себя миссией постапокалиптического мира. Я не хочу пресмыкаться. Я не хочу смотреть ещё на одну смерть. Потерю Кайла я не переживу — он тот смысл жизни, за который я держусь, как за спасательный круг.

Что я буду делать, если его не станет? А вдруг я ему надоем, и он решит уйти от меня? Нет уж, хренушки я его отпущу! Найдёт другую? Буду тенью ходить за ним, только бы не остаться одной. И вообще убью эту дрянь, которой он решит заменить моё место. Знаю, что это ненормально. А мне всё равно.

— Не замёрзла? — Кайл обнимает меня сзади, целует в щёку. От его кожи исходит тепло, и я прикрываю глаза, вдыхая терпкий аромат геля для душа и его тела.

— Не замёрзла, меня любовь греет, — улыбаюсь в его объятиях.

— С чего вдруг мы такие нежные? — он снова целует меня, на этот раз в шею. Мурашки табуном летят по коже, я невольно вжимаюсь в его грудь, чувствуя, как стучит его сердце.

— Кайл… Я согласна.

Он, нахмурив брови, заглядывает в мое лицо с искренним непониманием.

— Я должен сейчас угадать, на что именно ты согласна? Вариантов у меня много — от самых вульгарных до самых безбашенных. Намекнешь, в какой категории искать?

— Давай уйдём отсюда.

— Вечер перестаёт быть томным, — он отпускает меня, становится рядом, опершись локтями о перила. — Куда?

— Куда угодно, — смачиваю горло глотком чая. — Найдем базу с выжившими, осядем там на время, а дальше видно будет. Может, нам там понравится.

— И что сподвигло тебя на это? К чему спешка?

— У меня странное предчувствие… Что-то страшное должно случиться…

— Всё страшное уже случилось, — тихо произносит он, изучая темнеющий двор.

— Я потеряла себя, Кайл. Мне нужна встряска. Пора вылезти из кокона, иначе я стану бабочкой, которую любой сможет лишить крыльев и расплющить.

— Я изначально знал, что так будет. Звал тебя, просил… а ты противилась, называла меня дураком.

— Прости… Я была в раздрае. Я и сейчас в нём, но решительно готова выйти из него.

Кайл пальцами приподнимает мое лицо, и я встречаюсь с темнотой его глаз. Как же он стал похож на отца. За эти годы он возмужал, стал увереннее, но ему не хватает той стальной отцовской выдержки, того стратегического спокойствия. Возможно, всему виной я — я не дала ему раскрыться. Быть может, он уже управлял сотнями благодарных людей, строил новый мир, а я, идиотка, лишила его возможности проявить себя.

— Завтра я что-нибудь придумаю. Обещаю, — горячие губы касаются моих, и не отрываясь, он выдыхает. — А сейчас пойдём спать.

— Точно спать? — запускаю пальцы в его влажные волосы на затылке.

— Нет, конечно, — он лукаво улыбается, сверкая искрами в зрачках.

Отдалённый лай собаки и женский крик заставляют меня вздрогнуть. На смену ему тут же приходит скрипучий рёв — словно в нём смешались звуки трактора, мотоцикла, шипение змеи, и завершается всё это ультразвуком, от которого вибрируют стекла в окнах. Где-то в темноте откликается эхо, мечется между деревьями и гаснет.

— Что за херня? — замерев, слушаю аккомпанемент.

— Даже знать не хочу. Давай в дом, — Кайл торопливо подталкивает меня внутрь.

Затаив дыхание, смотрю, как Кайл запирает двери, выключает свет. Густая темнота обволакивает со всех сторон. Сердце как бешеное колотится в грудине, когда я представляю, что за тварь могла издавать такой рёв.

— Откуда они берутся? — язык еле ворочается у меня во рту.

— Ты прекрасно это знаешь. Неужели забыла того зеленоглазого урода? — резко отвечает Кайл.

— Ну, насчёт урода я бы поспорила, — нервно усмехаясь, нащупываю диван в темноте, осторожно сажусь, будто от этого зависит, ворвётся к нам мутант или нет. — Думаешь, он до сих пор жив?

— Скучаешь? — он садится рядом. — Не переживай, такие умирают в самую последнюю очередь.

— Это что, сцена ревности?

— Тихо, — Кайл прислоняет палец к моим губам, тут же замолкаю. — Слышишь?

Я прислушиваюсь. Гул собственной крови в ушах перебивается далеким жужжанием.

— Что это? — шепчу в палец Кайла.

— Кукурузник.

— Самолёт?

— Нет, блин, это любитель кукурузы! Да, Ада, это самолёт.

— Куда он летит?

— Судя по звуку — мимо нас.

— Это хорошо или плохо?

— Если бы нам его раздобыть, было бы хорошо, — Кайл вскакивает с дивана, открывает скрипучий ставень, выглядывает в окно, рыщет глазами по небу. Облокачиваюсь на его плечо, присоединяюсь к поиску.

— Вот он, — Кайл указывает пальцем в темноту на удаляющуюся технику без световых сигналов. — Идет на снижение в районе заправки…

— Кто-то решил, что у нас есть авиационный бензин?

— Кукурузник может работать на автомобильном.

— Тут и такого не осталось.

— Ну, они-то этого не знают.

— Ты сможешь управлять им? — говорю, провожая взглядом так называемый кукурузник.

— Справлюсь.

— Ты же не хочешь сказать, что мы сейчас туда отправимся? — осторожно поворачиваю мужское лицо своей ладонью.

— Сейчас нет. Утром можно попробовать, — карие глаза горят азартом, и от этого азарта по мне проходит теплая жизненная волна.

— Думаешь, они там задержатся?

— Кто знает… Может, их сожрут, и птичка достанется нам.

— Главное, чтобы нас не сожрали.

Глава 5

Отправляю в рот остатки лапши быстрого приготовления, закидываю кусок вяленого мяса, откидываюсь на спинку стула и удовлетворенно отхлёбываю глоток кофе. Живительный напиток растекается по жилам, окончательно выгоняя остатки сна. Не представляю, что я буду делать, когда кофе на нашей планете иссякнет, ведь только он способен заставить меня встать с кровати ранним утром и при этом никого не убить. После пробуждения я обычно уединяюсь с кружкой в руках на веранде — мне нужно время, чтобы из злобной сонной мегеры стать чуточку добрее, и терпкий напиток этому способствует. Надеюсь, такие же любители кофе покинули эту землю и остатки драгоценных зерен достанутся только мне. Эгоистично и цинично, зато правда. С наслаждением втягиваю горький аромат, делаю глоток горячего крепкого напитка, наблюдая, как Кайл сосредоточенно водит пальцем по разложенной на столе карте. Концы бумаги завернулись, на местах, где она была сложена, появились трещинки, кое-где есть разводы от капель.

— У нас два варианта: либо полуостров, либо остров, но он чуть дальше, — Кайл постукивает пальцем по столу.

— Ты наивно предполагаешь, что нам удастся раздобыть самолёт?

— Не получится с самолетом — найдем лодку, — он шуршит бумагой, складывая её в несколько раз.

— Об этом я не подумала.

— Ты вообще редко используешь мозг по назначению, — карта ныряет во внутренний карман куртки.

— Я просто даю тебе почувствовать себя мужчиной, — подмигиваю ему, ухмыляясь в кружку. — Боюсь задавить тебя своим интеллектом, а то вдруг комплексы появятся.

— У такого красавчика разве могут быть комплексы? — он наигранно проводит ладонью по волосам.

— Да ты, оказывается, нарцисс, Кайл Скар.

— Я вообще рэд флаг, — обаятельная улыбка собирает в уголках небольшие морщинки. Невольно засматриваюсь на него, осознавая, насколько мне с ним повезло.

— Ладно, ближе к делу, — ставлю кружку на стол, складываю руки на груди. — Каков наш план?

Кайл опрокидывает кружку, допивая остатки своего кофе, вытирает тыльной стороной ладони рот.

— Я пригоню машину, погрузим в нее провизию, и выдвигаемся к самолёту. Судя по тому, что я так и не услышал звук его мотора, он всё ещё там.

— Звучит просто и заманчиво, — киваю я. — А если не выйдет? Тогда куда? Обратно домой?

— Отправимся к людям. У нас есть выбор из военных баз, — Кайл пожимает плечом. — Феникс, Мрок и ещё одна — не помню название. Ну, это те, о которых я слышал, а там, может, ещё какие-то есть.

— Тогда может сразу лучше к людям? Идея с островом призрачная — представь, там придётся строить всё с нуля, да и не факт, что там не будет заражённых.

— Посмотрим. В любом случае на кукурузнике добраться до любой из баз гораздо проще и безопаснее, нежели на машине… а еще хуже — если пешком…

— Давай не будем думать о плохом, — мысленно отгоняю от себя перспективу идти пешком несколько дней. — Какая сейчас моя задача? Собрать вещи?

— Вот за что я тебя люблю, так это за твою сообразительность, — Кайл целует меня в макушку. — Свой рюкзак я уже собрал, собери свой.

— Когда успел?

— Ночью, пока караулил нашу птичку, — он идёт к двери, указывает на чёрный плотно наполненный рюкзак. — Тут спички, вода, еда, аптечка, сменное бельё, мыльно-рыльные принадлежности. В свой клади то, что тебе понадобится на первое время.

— Ну не косметичку же мне туда складировать, — хмыкаю я, прикидывая, что туда положу. — Мой набор такой же, как и у тебя.

— Вернусь, тогда достану из подвала оружие. Сама не лазь туда, не нужно таскать тяжести — тебе ещё детей от меня рожать, — Кайл хитро щурится, улыбаясь.

— Только через мой труп! — выставляю руки перед собой, отгораживаясь от одной только мысли об этом. — Мы это уже обсуждали, Кайл. Ты знаешь мою позицию по этому поводу.

— Да куда ты денешься… — тихо отвечает он, застёгивая молнию на куртке. — Всё, я пошёл, скоро вернусь.

— Может, мне с тобой пойти? — чувствую, как в груди начинает закручиваться тревожный вихрь.

— А смысл? Только время терять. Делом займись. Я пошёл, — он выходит, прикрыв за собой дверь.

— Делом так делом… — делаю шаг и слышу, как что-то падает на крыльце. — Ты там что, упал? — иду к двери проверить, что произошло.

Толкаю дверь она встречая сопротивление открывается наполовину. Глаза натыкаются на кожаный ботинок, лежащий на деревянном полу. Сердце пропускает удар, пальцы холодеют. Кайл валяется, раскинув руки, лицом вниз. Тёмные волосы на затылке слиплись от крови, она растекается по доскам неровным ореолом.

Мне в бедро утыкается серая собачья морда, влажный язык приветственно облизывает ладонь. В тот же миг мне в щеку прилетает удар. Спиной валюсь в дом, удерживаю равновесие, схватившись за угол стены. Лицо словно обожгло раскаленным металлом — жар проходит от скулы до виска, по коже течёт тёплая кровь.

— Встречай гостей, красавица, — в проеме стоит Мэни. В руке — полено со свежими кровавыми следами. На его лице — деловитая ухмылка. За спиной — серое утро, низкие тучи.

— Ты вовремя, я как раз приготовила кое-что вкусненькое, — ядовито говорю, опуская руку к поясу, и тут же понимаю, что пистолет остался на столе. Разворачиваюсь на пятках, прыгаю к столу.

— На! — сипло выкрикивает Мэни.

Удар в хребет выбивает воздух из лёгких. В глазах вспыхивают белые искры, падаю на стол, заваливая его на пол. Вилки звенят по деревянному покрытию, остатки соленого бульона от лапши выливаются на свежую рану. Кружка падает рядом, разлетаясь на осколки, один вонзается в районе скулы. Пистолет скользит по полу мимо, останавливается, столкнувшись с ножкой стула. Совсем рядом. Рука тянется — и не достает. Пальцы шарят по доскам, скользят по мокрому, по осколкам, по бульону, и всё мимо.

— Будешь сопротивляться — хуже будет, — урод переворачивает меня на спину, впопыхах пытается задрать мне футболку. Ладонь шершавая, грязная, пахнет псиной и табаком. — Станешь моей — и тебя больше никто не тронет…

Бью его кулаком справа — костяшки мгновенно саднят болью. Голова Мэни дергается в сторону, ловлю момент, чтобы выскользнуть из-под него, но мешает гребаная псина — становится лапами мне на ключицы, лижет лицо. Когти впиваются в кожу, горячее дыхание обдает подбородок.

— Пошёл вон! — с силой толкаю собаку в грудину, она отпрыгивает, но время потеряно. Мои запястья до хруста сжимают мужские пальцы.

— Не хочешь по-хорошему? — Мэни скалится в злобной гримасе. — Тогда готовься, сучка: через полчаса тут будет целый взвод голодных мужиков.

Мой пульс стучит в горле. Мозг кричит: действуй сейчас или никогда. Если к этой мрази придёт подмога, то самый худший сценарий из моих снов превратится в явь. Вонзаю зубы в его кисть — яростно сжимаю челюсти, ощущаю вкусом чужой кожи — соленой, грязной, тошнотворной.

— Сука! — Мэни отпускает руку, прижимает её к себе. Боковым зрением вижу вилку и, не мешкая, хватаю её.

Удар. Зубья мягко входят в глаз. Мэни падает на спину, хватается за лицо. Кровь струится по щеке, собирается на пальцах, капает на доски. Вскакиваю, ботинком вбиваю вилку до конца — она с хрустом проходит вглубь черепа. Он хрипит, руки и ноги скребут по полу в предсмертных судорогах. Пёс бегает вокруг, косится на меня светлыми глазами.

Нельзя его оставлять в живых. Как бы мне ни было его жаль. Но нельзя. Его пустят по следу — и вновь нас найдут. Взять с собой? Не вариант. Пёс будет притягивать лишнее внимание, создавать неудобство и лишний шум. Хватаю с пола пистолет, направляю дуло на животное. Собака отчаянно вылизывает лицо хозяина, распластавшегося на полу. Глаза пса мечутся между мёртвым и мной, и в них собачье непонимание, от которого внутри что-то скручивается тугим узлом. Мои руки предательски дрожат.

— Чёрт… Потом… — опускаю пистолет, оттягивая момент выстрела в неповинного пса.

Выбегаю на крыльцо, приседаю перед Кайлом, меня трясет. Кайл, покачиваясь, садится, притрагиваясь к затылку. Кровь на пальцах — яркая на сером утреннем свету.

— Живой, — с облегчением выдыхаю, приподнимая его за щетинистый подбородок. Его лицо бледное, под глазами темные круги, зрачки расширены.

— Что… что мать его произошло? — он расфокусировано смотрит на меня, моргает, пытается сфокусировать взгляд.

— Нас нашли, Кайл. Нужно бежать!

— Ебучий случай… — опираясь на руки, он поднимается как пьяный, выравнивается, опершись спиной о перила. — Кто это сделал? — Кайл пытается дотронуться до моей разбитой щеки, но промахивается, рука проходит мимо.

— Мэни, — киваю на труп на полу. Густая кровь расплывается по доскам, пёс, не брезгуя, пьёт её. Кайл прослеживает мой взгляд, и его лицо каменеет.

— А я тебя предупреждал…

— Он сказал, что сюда движется взвод, — беру тяжёлый рюкзак, вытягиваю его на улицу. — Времени нет, Кайл, нам с ними не справиться.

Кайл бледный как стена, губы посеревшие, рука тянется к кобуре:

— Псину нужно убрать. Это подстраховка… вдруг они решат объявить на нас охоту.

Выдыхаю. Мне хотя бы не придётся сделать это самой. Кто угодно, только не я.

— Убирай, и бежим, — сбегаю с веранды, закидывая на плечи рюкзак Кайла. Лямки впиваются в кожу, рюкзак давит на спину.

— Беги за машиной, я закончу с псом и спущусь за оружием, — Кайл зеленеет на глазах, кадык дергается.

— Ты не понял? Времени нет, Кайл.

— Вот именно, времени нет, а ты впустую сотрясаешь воздух! — хлёстко отвечает он, щёлкая предохранителем. — Займись делом! Пригони машину!

Секунда. Скрип моих зубов. Скидываю рюкзак на землю, срываюсь с места и бегу через двор. Позади раздаётся раскатистый выстрел, жалобный визг. Слышу, как Кайла рвёт. У него явно сотрясение мозга, главное, чтобы не было чего похуже… Так, хватит себя накручивать. Сосредоточься на цели.

Лёгкие горят, когда добегаю до забора на заднем дворе. С трудом отодвигаю поржавевший толстый засов. Во рту сухо, пульс бьёт по всему телу, сердце прыгает вверх-вниз. Пулей несусь дальше, листва шуршит под подошвами, мокрые ветки хлещут по рукам. В голове пульсирует одна фраза: только бы успеть. Пробегаю мимо пожелтевших берёз. Через десять метров будет поворот, там в кустарнике спрятан наш пикап. Наш трофей, добытый возле заброшенной церкви.

Перепрыгиваю через поваленное дерево, брызги разлетаются в стороны. Поворачиваю и в этот момент влетаю в холодную, твердую, склизскую спину.

От удара мой нос хрустит, рот моментально наполняется вкусом металла. Еле удержавшись на ногах, выхватываю оружие и направляю на тварь, которая не устояла. Мертвец зарылся башкой в грязь, листва облепила его — теперь он похож на цыплёнка, которого смастерил мастер-шизофреник. Чудище абсолютно голое, если не считать наряд из листвы. Половой орган откушен, но по болтающимся яйцам понятна принадлежность к мужскому полу. Тварь бурлит, рычит, встаёт на карачки. От неё тянет сладковатой гнилью.

Задерживаю дыхание. Что даётся очень тяжело — воздух застревает в горле. Сердце бешено колотится о ребра. Навожу прицел в лысую макушку. Нажимаю на курок. Грохот выстрела оглушителен — в утренней тишине он звучит как набат, раскатываясь по лесу, пугая птиц. Птицы с ветвей срываются в небо — чёрной встревоженной тучей. Мертвяк падает и затихает.

— Ну и урод… — огибаю его, откидываю в стороны ветки, прикрывающие вход к машине, стягиваю тент. Холодный, мокрый, он липнет к рукам. Одновременно слушаю тишину с надеждой не услышать выстрелов.

Тишина. Только дождь начал шелестеть по крыше пикапа.

— Пришло твоё время, — хлопаю дверью. — Давай, друг, не подведи, — достаю ключи из-под коврика, вставляю в замок зажигания, зажмуриваюсь, поворачиваю ключ. Двигатель заурчал, как довольный кот.

— Да! Да! — втыкаю заднюю передачу, разворачиваюсь, жму газ в пол. Пикап срывается с места, колёса буксуют в грязи, потом хватают сцепление, и машину швыряет вперед.

Вылетаю из укрытия, колёса проносятся по телу мертвеца, подкидывая меня на сиденье. Адреналин шумит в ушах, глаза сосредоточены только на дороге — пара сотен метров в объезд забора. Деревья проносятся мимо, их тени мелькают по капоту, как полосы на зебре.

Поворот. В груди всё замирает, когда вижу Кайла возле калитки с рюкзаком и огромной черной сумкой. А сквозь редкие деревья на поле вижу несколько приближающихся машин.

— Быстрее, Кайл, быстрее! — подгоняю его, открывая пассажирскую дверь.

Он молча закидывает назад рюкзак и сумку, прыгает рядом на сиденье. Замечаю, что цвет кожи уже приобрёл оттенок живого человека.

— Тебе лучше? — разворачиваю пикап, тот рычит движком.

— Приемлемо, — кивает он, играя желваками. — Гони, Ада, пока я не передумал.

Глава 6

Минут десять длится гонка по заросшей холмистой грунтовке. Благодаря хорошей подвеске и клиренсу наши позвоночники до сих пор не осыпались в трусы. Машину то и дело подкидывает на ухабах, пару раз меня ощутимо приложило макушкой в потолок. Крепче сжимаю руль, будто это может удержать меня от скачков, пальцы белеют на чёрной оплётке, ногти впиваются в кожу.

— Сбавь скорость, — Кайл через плечо смотрит назад, туда, где лес стал плотной стеной, скрывающей всё, что движется. — Сомневаюсь, что они поедут за нами. Слишком жирный куш им достался… слишком жирный…

Притормаживаю. Пикап плавно ползет по мокрой траве. Ветки скребут по металлическим бокам. Вытираю испарину с лица, цепляю разбитый нос с щекой — и тут же нервы вспыхивают болью, как оголенные провода.

— Гадство, — цежу сквозь зубы, смотря на своё лицо в зеркало заднего вида. Щека налилась багровым, рассеченная кожа уже стянула края в неровную линию, нос смотрит в сторону, вокруг — синеватый отёк. Около рта — засохшие кровоподтеки. — Ну прям девочка-девочкой… принцесса, ёпты…

Кайл будто только сейчас по-настоящему очнулся — смотрит, вытаращив глаза, будто видит меня впервые:

— Тормози. Нос нужно срочно вправить!

— Вакцина справится сама, — отмахиваюсь, а сама прогоняю в голове ту боль, которую испытал мой нос при встрече с мертвяком, и понимаю, что вот так добровольно сдаться и прочувствовать её ещё раз я не готова. Даже ради симметрии.

— Давай останавливайся, иначе будешь всю жизнь ходить с запятой вместо носа, — Кайл проводит ладонью по волосам, тревожно глядя на меня.

— Запятая не так уж и плохо. Чем страшнее буду — тем меньше желающих поиметь меня, — говорю с бравадой, которой самой не верю. Но перспектива крючковатого носа всё же заставляет меня затормозить возле голубой сосны. Её ветви тяжелые от влаги опускаются почти до земли.

— Поверь *мне*, изголодавшегося по женской вагине мужика не остановит ничего. Пакет на голову и вперёд, — Кайл ухмыляется, наклоняясь ко мне.

Я опускаю взгляд на свои руки — они всё еще сжимают руль. На костяшках — корка запекшейся крови, смешанной с грязью.

И вдруг понимаю: я ожила. По-настоящему, до мурашек, до колючего тока под кожей. От бега, от драки, от того, что приходится быть готовой к следующему удару. Я наконец пришла в себя.

Это опасно, страшно, рискованно, но именно этого мне и не хватало: драйва, адреналина, разгоняющего ритм сердца до предела, до звона в ушах, до ощущения, что кровь закипает. Я будто очнулась от комы, сняла жизнь с паузы, нажав на кнопку «пуск». И теперь стрелка тахометра моей души находится в красной зоне — и мне это нравится.

Кайл проводит по моей щеке спиртовой салфеткой. Ткань цепляется за подсохшую корку, тянет, щиплет. Но я даже не морщусь.

— Теперь всё изменится, Кайл, — смотрю ему прямо в глаза, пока он осторожно протирает мне лицо. В его зрачках пляшут тёмные искры, и в них я вижу то же самое — этот бешеный, живой пульс. — Новая точка отсчета — здесь и сейчас. Я живу… Чёрт возьми, я воскресла.

— Ты головой ударилась, это нормально, — он говорит с серьезным лицом, но огоньки в тёмных глазах выдают, что он тоже чувствует этот сдвиг. — Я примерно так же себя ощущаю сейчас.

— Как твоя рана? — щупаю его затылок, натыкаюсь на слипшиеся, жёсткие от крови волосы.

— Да чтоб тебя… Ада, можно как-то понежнее? — он морщится, кладёт испачканную салфетку на приборную панель — та тут же прилипает к пластику. — Не забывай: твой нос в моих руках.

— Ты же не причинишь девочке боль?

— Девочке? Девочке — конечно нет, — он кладет одну руку мне на лоб, вторую — на рот, большие пальцы упираются в переносицу. — Но ты же не девочка.

Резкий толчок пальцев и короткий хруст. Боль ударяет в голову, расходится по лицу, глаза мгновенно наполняются слезами.

Отталкиваю его, хватаюсь за пульсирующий болью нос, еле сдерживая себя, чтобы не врезать в это невинное, почти ангельское выражение лица Кайла.

— Какой же ты му…

— Мужчина. Ты хотела сказать: какой же замечательный мужчина, — он нагло перебивает меня, щелкает ручкой двери, распахивает ее настежь. — Прикрой меня. Пора сменить оружие.

Убираю пальцами капельку крови под носом, вытираю их о брюки. Достаю пистолет, выхожу следом за Кайлом. Ветер треплет волосы, несёт запах гари и гнили. Неудивительно: чем дальше мы от нашего дома, тем ближе к скоплению трупов, к зонам, где смерть на каждом шагу.

— Надеюсь, эти уроды обожрутся нашей едой и сдохнут от заворота кишок, — ядовито произношу мысли вслух, медленно сканируя местность. Вокруг — только кусты, деревья, серые стволы, мокрые от дождя.

— Я приготовил для них блюдо от шефа, — Кайл хищно улыбается, перекидывая через плечо ремень автомата.

Приподнимаю брови в ожидании ответа, но он приходит без слов.

Взрыв грохочет, будто небо треснуло пополам. Я вжимаю голову в плечи, инстинктивно прикрываю лицо рукой. В стороне, откуда мы уехали, вверх поднимаются клубы черного дыма, они расползаются по небу, как чернила в воде.

— О, уже отведали ребятки, — Кайл, улыбаясь, протягивает мне автомат. — Теперь точно хвоста за нами не будет.

Забираю автомат, закидываю ремень на плечо — он ложится на ключицу привычной тяжестью.

— Что ты сделал? Расскажи, интересно же узнать рецепт…

— Ничего особенного, — он пожимает плечами, будто речь о чашке чая, а не о взрыве. — Открыл газ на полную, для пикантности на входе в подвал подвесил гранату — и вуаля, все сыты и довольны.

Он наклоняется ко мне, едва касается поцелуем, выдыхает в губы:

— Красавица моя… Вот такую я тебя люблю ещё больше.

— Какую? С разбитым лицом? — усмехаюсь, провожу языком по его губам.

— С огнём в глазах. С пламенем, в котором бурлит жизнь. Моя Ада вернулась, моя богиня, — он прижимает меня к себе, и мы сливаемся в жарком поцелуе. Тело жадно отзывается на его прикосновения. Оно желает его — несмотря на опасность, несмотря на кровь, на то, что где-то там, за деревьями, могут быть твари.

Дико? Да. Безумно? Ещё как. Но в этом — самый смак. Страсть, граничащая со смертью. Страх не приглушает страсть — он делает ее еще вкуснее.

— Нам пора ехать, пока птичка не улетела, — Кайл бережно убирает прядь волос с моего лица, заправляет её за ухо.

— Чертова птичка… — тяжело выдыхаю, расстроившись, что мое женское начало не получило того, чего хотело.

— Не злись. Как только разберёмся с самолётом, я выполню всё, что твоя фантазия пожелает, — Кайл хитро подмигивает, садится за руль.

— Бойся своих обещаний, Кайл… — сажусь на пассажирское сиденье, прикрываю дверь.

— Я всегда за эксперименты и разнообразие, — он заводит двигатель, и тот отзывается низким, довольным урчанием.

Колёса мягко катятся по мокрой траве. Лес расступается, открывая нам путь.

Глава 7

Припарковав пикап, направляемся к самолету, который в нескольких метрах от нас. Под ботинками хрустят осколки стекла, как под ногами в январе на не расчищенной дорожке. Желтые листья играют в догонялки с пакетом от чипсов, и на секунду верится: вот-вот из будки выйдет дядька в оранжевом жилете, помашет рукой, попросит за бензин наличными. Но будка пуста и мертва уже давно.

Эта заправка никогда не видела большого потока клиентов — даже в мире до апокалипсиса тут брали бензин в основном местные, коих можно было пересчитать на пальцах. Поэтому на площадке всего три машины. Заглядываю в разбитое окно, заранее зная, что нового там ничего не увижу. Мы давно прошерстили тут все: забрали аптечки, огнетушители — мертвым это уже не нужно, а нам пригодится.

Единственное, до чего не добрались, — само помещение. Оно небольшое, в нем есть туалет, магазин, в котором явно есть продукты. Мы, послушав совесть, решили оставить ее для тех, кому нужнее. Надеюсь, никто туда не добрался, потому что теперь мы скатились до бедственного положения и сами вынуждены добывать средства для существования.

Переступаю через скелетированную голову байкера. Ветер играет его седыми волосами — они, как щупальца, выглядывают из-под кожаной фуражки и шевелятся будто живые.

— Бр-р-р, — передергиваю плечами, сбрасывая холодные мурашки. — Кайл, что делаем с теми, кто нас встретит?

Он держит пространство на мушке, цепко осматривает территорию.

— Стараемся быть дружелюбными.

— А если им не понравится наше дружелюбие?

— Короткое нажатие на спусковой крючок решит эту проблему.

Кайл взмахом руки останавливает меня — замираю, выглядываю из-за его спины. Здесь пахнет керосином, ржавчиной зерном и гнилью.

— Что там? — шепчу, перебирая пальцами приклад автомата. Ладонь потеет, хотя холодно.

— Похоже, полет отменяется… — Кайл указывает пальцем на кукурузник.

Тот, накренившись на левый бок, лежит на согнутом крыле, беспомощный, как птица с перебитым крылом. Шасси вывернуто в сторону, белая надпись «Ан-2» покрыта алыми отпечатками рук. Двери на борт распахнуты, наружу тянутся кровавые следы.

На асфальте в ряд выложены четыре трупа.

Крупные мужчины, будто подобранные по сантиметровой ленте, абсолютно одинакового размера, одеты в черную тактическую форму с эмблемой, на которой изображен желтый дракон. Их лица измазаны кровью, темная ткань одежды порвана, обнажая рваные раны. У троих на глазах черные очки — и почему-то именно они страшнее всего. Только у одного белые мертвые глаза смотрят в хмурое небо — в них нет ни страха, ни боли, просто спокойствие, которое уже ничем не потревожишь.

Четыре точки во лбу, по одной у каждого, от них расходятся кровоподтеки — уже запекшиеся, покрытые корками.

— Уходим? — затаив дыхание, спрашиваю Кайла. Он задумчиво молчит некоторое время, и это мне не нравится, так молчат перед тем, как сказать что-то, что тебе точно не понравится.

— Я бы сказал, что да, но неплохо бы заглянуть внутрь. Вдруг есть чем поживиться.

— Мне эта идея не нравится. Кто-то ведь их прикончил, да еще и выложил в ряд, будто сатанинский обряд какой-то…

— Возможно, они стали тварями во время полета, их хлопнули там, а затем выволокли, — он пальцем потирает подбородок, явно строя план действий в голове.

— А затем спрятались в магазине? Вон, смотри, — указываю на кровавые следы от двух пар ботинок — они ведут прямо к помещению.

— Внимательная моя. Прикрой меня, — Кайл, озираясь, приседает около следов, окунает палец в кровь, растирает между подушечек, кивает сам себе.

Я смотрю в оба — кажется, что за каждым углом скрывается опасность. Руки слегка подрагивают, губы сохнут, холодный ветер пробирается за воротник, но, несмотря на это, по спине скатывается капля пота.

Стеклянная витрина покрыта многолетней пылью — за ней не разглядеть, что и кто там может прятаться. Входная дверь прикрыта не до конца, то и дело качается от порыва ветра, и каждый раз в проеме мелькает полоса темноты, будто чей-то силуэт.

Кайл выпрямляется, вытирает руку о штаны:

— Двое мужчин. Крупный и… небольшой. Живые… ну, были живые, когда шли туда. Возможно ранены.

— Кайл, ну их. Давай уедем. Бензин у нас есть, немного еды тоже, по пути что-нибудь придумаем…

— Что придумаем? Какая кора дерева вкуснее? — он осаживает меня скептическим взглядом.

— Мы даже не знаем, кто они! — шепчу, выпучив глаза. — Вдруг там головорезы или еще чего похуже.

— Не проверив, не узнаем. И вообще, может, людям помощь нужна, — он решительно делает шаг вперед.

— Вот только давай без благотворительности, — хватаю его за рукав.

— Мы просто посмотрим, — Кайл настойчиво убирает мою руку.

— Чует мое сердце — мы сейчас вляпываемся в огромную кучу дерьма. Заметь, по твоей вине!

— Тебе самой это нравится, — Кайл крадется вперед.

— Мне?!

— Ага. В глубине души… где-то очень глубоко…

— Такой бред…

— Тихо! — он вскидывает левую руку.

Застываю. Даже не дышу. Секунда тянется, как жвачка. До слуха доносятся шаги. Рычания не слышно, но тут не поймешь, что хуже: голодная тварь или хитрожопый человек.

— Прошу, не стреляйте, — раздается мужской голос. Из щели просовывается рука с белой мятой салфеткой.

Переглядываемся с Кайлом. Он пожимает плечом, наклоняется ко мне:

— Будь начеку. Если что — стреляй на поражение.

— Так точно, командир, — серьезно отвечаю ему, крепче сжимая автомат.

— Опустите оружие и выходите, — он дает им указания.

Дверь медленно открывается, скрипя петлями. Переступаю с ноги на ногу, проглатываю колючий ком тревоги. Из проема сначала появляется огромный мужчина в черной форме — через плечо перекинут автомат, кожа на лице мертвенно белая, на глазах темные очки с потрескавшимися стеклами. Он движется расслабленно, как будто ему никто и ничто на свете не угрожает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.